

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича (рассказанные им самим)

23

№126 (1764)

15 ИЮЛЯ 2005

РОМАН И ГАЗЕТА

Войнович Вячеслав

15.07.05

Глава двадцатая

В надежде на американских агрессоров

«Знать и уметь усе от сих и до тях»

Два месяца до присяги считались не настоящей службой, а «курсом молодого бойца». Пока не пройден курс и не принята присяга, солдату нельзя доверять оружие, нельзя посылать его в караул и на боевое задание. Но с самого начала ему следует усвоить, что он, согласно уставу, «обязан стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы».

Нас наставляли в основном сержанты и старшины самого невезучего 1927 года рождения, чья служба в авиации растянулась на семь лет. В 44-м их взяли на фронт, а в 47-м объявили, что поскольку только теперь они достигли настоящего призывного возраста, а кроме них призывать некого, им придется прослужить еще один полный срок.

Им было по двадцать четыре года, но они казались нам едва ли не пожилыми. Это были туповатые деревенские мужики, которые на «гражданке» были бы вынуждены заниматься грубым физическим трудом, а здесь стали начальниками. Поэтому, когда кончилась их семилетняя служба, они стремились остаться на сверхсрочной. Главные трудности армейской жизни были у них позади, они много ели, мало двигались и, получив возможность командовать большим количеством людей, удовлетворяли свои властолюбивые амбиции.

В армии власть даже самого маленького начальника над рядовым солдатом почти безгранична. В уставе сказано: «Военнослужащий должен стойко переносить тяготы и лишения воинской службы». Маленький начальник может сделать для подчиненного эти тяготы и лишения невыносимыми. По уставу «Приказ начальника — закон для подчиненного. Приказ должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок». Мы спрашивали у замполита: какой приказ? Замполит отвечал: любой! А если, спросил кто-то, командир прикажет поцеловать его в зад? Значит, сначала вы должны поцеловать его в зад, а потом подать жалобу вышестоящему командиру. А можно жаловаться на неправильное наказание? Можно, но только на причину, а не на строгость. Строгое наказание вообще обжалованию не подлежит. Старшина, помкомвзвода, взводный могут вымещать свои капризы, комплексы и дурное настроение на подчиненных, посылая их в наряды, заставляя чистить уборную, собирать окурки, топтать на месте, вставать, ложиться, ползать, бегать. Полуграмотным младшим командирам доставляет особое удовольствие поиздеваться над более образованными солдатами. Вроде того старшины, который попавшим в его подчинение студентам дал команду «на месте шагом марш» и, ходя вдоль строя, приговаривал:

— Цэ вам нэ математика, цэ вам нэ алгебра, тут трэба мозгами шевелить... Эй, хто там дві ноги піднімає?..

Старшина Дерябко обучал нас

ГЕННАДИЙ НОВОНИЛОВ

В Северной Корее наши летчики сражались с американцами под видом корейцев и китайских добровольцев. Замполиты говорили о врагах-американцах с уважением, о друзьях-корейцах и китайцах с презрением

основам военного дела, прислушиваясь к собственным словам и делая такое лицо, будто сам удивлялся, какой он умный:

— Солдат должен, как великий ученый всех наук Ломоносов, знать и уметь усе от сих и до тях. Он должен уметь ходить, бегать, прыгать, ползать, преодолевать препятствия, чистить пуговицы, зубы и сапоги, подшивать подворотнички, наматывать портянки, заправлять постели, стрелять, разбирать, собирать и чистить оружие, ориентироваться на местности. Шо нужно, шобы определиться на местности? Главное, надо выбрать два ориентира из неподвижных предметов. Из подвижных нельзя. Один солдат выбрал ориентирами корову и быка, а потом докладывает: «Товарищ командир, ориентир номер один залез на ориентир номер два».

«Начальник вокзал»

Были у нас командиры и помощники. Младший сержант Хачиян, наш ровесник, по недоразумению попал в армию на год раньше, кончил сержантскую школу и теперь занимался с нами строевой подготовкой. Мы друг друга называли по именам или фамилиям, а его — никакой фамильярности — только по уставу: «товарищ младший сержант».

Занятия проходили на стрельбище, где вдоль капонира были проложены рельсы, а на них стояла сваренная из труб вагонетка для передвижных мишеней. Перед тем как объявить перерыв (перекур) в занятиях, младший сержант Хачиян подводил роту к вагонетке, командовал: «Рота, стой!» — и с криком «Я буду начальник вокзал!» бежал к вагонетке, уже на бегу отдавая команду: «Разойдись!»

После чего трубы набивались сухой травой, трава поджигалась, ва-

гонетка дымила, как паровоз, солдаты лезли на нее со всех сторон, и кто успевал, катался вместе с командиром, а не успевшие были тягловой силой. Младший сержант, превратившийся из строгого командира в такого же мальчишку, как все остальные, сиял от счастья, что захватил лучшее место на вагонетке.

С места с песней

Ходили мы, как полагают, всегда строем и с песней. Утром в уборную, на физзарядку, потом в столовую, из столовой, на занятия, с занятий — всегда строем и обязательно с песней.

Старшина командовал: — С места с песней шагом марш! Запевала бодро начинал: «Скакал казак через долину, через кавказские края...»

Строй подхватывал и повторял: «Скакал казак через долину, через кавказские края...» Дальше шло: «Скакал он садиком зеленым, кольцо блестящее на руке...» — строй опять подхватывал, повторял эту строку целиком, и так исполнялось до конца все это нехитрое сочинение.

Вторая песня была «Выпрягайте, хлопцы, коней...», и на этом наш репертуар кончался.

Других песен мы не знали, а эти нам быстро надоели, и иногда мы петь отказывались. Старшина командует:

— С места с песней...
— С места пошли, но никто не поет.

— Запевай! — командует старшина.

Никто не поет. Это бунт. Бунтовщиков надо учить.

— Рота, стой! На месте шагом марш!

Ходит вдоль строя, приговаривает:

— Ой, какие умные нашлись ой-ой-ей... Песни петь не хотят, глотки свои жалеют... Подумали своими калганями: для чего нам нужна строевая песня? Она нужна для зажигу! Когда солдат идет в строю да со звонкою песней, у него ноги сами легко шагают. А когда он пойдет без песни, они у него будут волокититься, как у старческого человека...

И, надеясь, что убедил, повышает голос:

— С места с песней шагом марш!

Опять никто не поет. Опять на месте шагом марш. Топаем, сначала просто, потом особым способом: одной ногой сильно, другой слабо, сильно, слабо. Как будто никто ни с кем не договаривался, но вся рота топает одной ногой сильно, другой слабо. Казалось бы, старшине какая разница. Но его это раздражает, и он приказывает: «Бегом марш!» Рота, как будто только этого и ждала, срывается с места и несется со всех ног.

Старшине не угнаться. Он давно уже не бегал и разжирел.

— Рота, стой! — кричит он издалека и безуспешно.

Рота бежит. Потом остановилась без всякой команды. Старшина добежал до роты, запыхался, но никого не ругает, делает вид, что все в порядке.

— Рота, равняйся! Смирно! С места с песней шагом марш!

Рота ударяет шаг. Запевала начинает: «Скакал казак через долину...» Остальные подхватывают.

Почему сначала не подчинялись, а теперь запели — непонятно.

Мечты и предчувствия

Сам я тоже, несмотря на довольно солидный жизненный опыт, оставался еще существом вполне инфантильным. Нашел в пыли 23-миллиметровый снаряд (у нас их много там под ногами валялось) и кидал его в телеграфный столб, думая, что, когда он разорвется, спрячусь за углом казармы. К счастью, он не разорвался. Мечта о полетах меня не оставила, но как осуществить ее, я не знал. Одна надежда была на американских агрессоров. На политзанятиях нам говорили, что американские агрессоры вот-вот развяжут мировую войну. Я надеялся, что, как только они ее развяжут, у нас сразу возрастет нужда в военных летчиках, и меня примут в училище, несмотря на отсутствие аттестата зрелости и наличие перегородки в носу. Надежда укреплялась тем, что на самом деле война уже шла. В Северной Корее. Там наши летчики сражались с американцами под видом корейцев и китайских добровольцев. Замполиты говорили о врагах-американцах с уважением, о друзьях-корейцах и китайцах с

презрением. Рассказывали анекдот. Американский летчик просит захвативших его в плен корейцев показать сбившего его аса. Ему показывают узкоглазого военного в корейской форме. Американец говорит:

— Это не он. Тот по радио мне кричал: «Я тебе... твою мать, не кореец!».

У нас в части и в самом деле обстановка была тревожная, как перед войной. По ночам гудели грузовики. Они двигались со светомаскировочными фарами. Старшина сказал, что они возят боеприпасы. Я думал: раз возят, значит, к чему-то готовятся.

Может быть, из-за нагнетания общей тревоги во мне возникло и окрепло ощущение скорого конца. Я думал, что это последний год моей жизни, и предчувствие настолько переросло в уверенность, что я очень удивился, когда мне, уже во время службы в Польше, исполнилось двадцать лет.

Именно тогда я обнаружил у себя первый седой волос.

«...но душа живая останется»

В Джанкоке однажды состоялось выездное заседание военного трибунала. Два молодых солдата, только что призванных на службу, от самой службы не уклонились, но взять в руки оружие категорически отказались. Потому что были баптистами.

Их судили не сразу. Попытались переубедить. От слов перешли к угрозам, от угроз к действиям. Их посадили на гауптвахту с обещанием выпустить, как только они откажутся от своей дури. Они не отказались и были преданы суду военного трибунала. Заседание было выездное, открытое и показательное для других солдат, чтобы они посмотрели, что будет с теми, кто откажется взять оружие. Подсудимых допрашивали председательствующий и два заседателя. Они отказались признать себя виновными, твердо объяснив, что убеждения им не позволяют преступить Божию заповедь «не убий». В конце концов им дали последнее слово, перед которым председательствующий предлагал им еще раз подумать и отказаться от своих ложных, по его мнению, убеждений. Один из них сказал:

— Я не могу взять в руки оружие, потому что Бог запрещает мне убивать. Мне говорят, что если я не убью врага, он убьет меня. А я говорю: пусть убьет. Мое тело он убьет, но душа живая останется.

Их приговорили к семи годам заключения, но даже после оглашения приговора председательствующий сказал, что если они немедленно откажутся от своих ложных убеждений, будут освобождены.

Они сказали: «Нет». И их увезли. На меня и моих товарищей произвели сильное впечатление стойкость, спокойная уверенность подсудимых и сам факт, что такие люди в нашей стране имеются. Удивила и неожиданная для нас гуманность советского суда. Мы-то думали, что подсудимых приговорят без проволочек к расстрелу, а им дали «только» семь лет и перед тем еще долго уговаривали одуматься. Тем не менее, тот частный процесс советская власть проиграла. Примеру подсудимых никто не собирался следовать, но уважение они к себе вызвали. А кое-кого (меня, например) заставили и задуматься.

Продолжение следует

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ